

Глава 1

Э то не могло быть правдой! Это сон, всего лишь страшный сон, и сейчас я проснусь!

Моя босая нога наступила в холодную лужу, чулок мгновенно напитался влагой. Я никогда не выходила из дома босиком! Даже летом. Разве что когда я была совсем маленькой, нянечка разрешала мне пробежаться по зеленой травке на лужайке перед домом. А теперь, как бы я ни упиралась, как бы ни цеплялась за перила, рука скользила по дереву, отполированному прикосновениями десятков поколений моей семьи, а левая нога уже съехала с нижней ступени прямо в грязь.

— Мамочка! — снова закричала я. — Папуля!

А этот страшный человек продолжал настойчиво и молчаливо тянуть меня за собой, ухватив за локоть. Так, будто имел на это право. Так, словно я принадлежала ему. Он ничего не говорил после тех слов, которые произнес, когда появился на пороге моего дома.

— Агата, время пришло. Я забираю тебя, — так он сказал, схватил меня за руку и поволок на улицу.

На мне было легкое домашнее платье, совсем не подходящее для ветреной погоды ранней весны, и тонкие чулки. В первые секунды я подумала, что это шутка, придуманная моим братом Верном: он младше меня всего на год, а такое ощущение, что совсем еще ребенок. Верн частенько устраивал глупые розыгрыши то ли от скуки, то ли из-за желания меня позлить.

Несколько дней назад он подложил мне в кровать лягушку, а потом, когда я с криком выбежала из комнаты, смеялся так, будто ничего забавнее в своей жизни не видел. Вот я и подумала, что это его рук дело.

Хотя я с трудом могла представить, как Верн сумел договориться с этим мрачным типом, от одного взгляда на которого кровь стынет в жилах.

Тёрн. Ума не приложу, настоящее это имя или нет. Возможно, этого человека с растрепанными черными волосами, достающими до плеч, человека, неизменно одетого в темный плащ с капюшоном, человека, чье лицо всегда выражало лишь безразличие и презрение, прежде звали как-то иначе, но жители Фловера говорили просто «Тёрн». Или «колдун».

— Оставьте меня, — сказала я вполне миролюбиво, хотя незваный гость сильно сдавил мой локоть, но я помнила о том, что воспитанная девушка всегда должна держать себя в руках. — Шутка не смешная.

Он ничего не ответил. Ничегошеньки. Даже не посмотрел в мою сторону и не произнес ни звука после слов о том, что забирает меня.

Вот тогда я и начала кричать, упираться, звать на помощь. Мама должна быть в гостиной. Папа еще утром заперся в кабинете. Верн и Корн на занятиях в классной комнате наверху. Младшие сестренки занимались музыкой, а я вышивала, глядя на них. Сняла туфли и забралась с ногами на диван. Потому и оказалась босиком, когда слуга пригласил меня к двери.

— Леди Агата, вас спрашивают, — сказал он поклонившись, вот только взглянул удивленно и встревоженно.

Тогда я не придавала этому значения. Поспешила к двери, не утруждая себя выуживанием туфель из-под дивана. Я так торопилась, потому что надеялась, что

получу весточку от Даниеля. Прошла неделя с моего дня рождения, неделя, как я его не видела, а уже скучала.

Даниель по приказу отца отправился со своим отрядом к границе Тени. Никто не объяснил, почему такая спешка, но слухи разлетались быстро. Говорят, миражи снова полезли из Сумрака. Он уехал не попрощавшись, но я не сомневалась, что Даниель черкнет хотя бы пару строк, когда представится возможность, чтобы успокоить меня.

Я бежала к двери, а сама ощущала снова, как наяву, прикосновение кончиков пальцев к моей щеке, когда он поправил выбившийся из прически локон.

— Вот ты и стала взрослой, Агата, — тихо сказал он.

Всего несколько простых слов, от которых внутри все затрепетало, как от самых жарких признаний. «Вот ты и стала взрослой...» Неделю назад мне исполнилось восемнадцать. А значит, Даниель сможет обратиться к моему отцу с предложением руки и сердца. Его род — род Винтерс — так же богат и знатен, как мой: род Даулет. Отец согласится. Я стану женой Даниеля. Любящей, любимой и самой счастливой в мире.

Я ожидала письма или, возможно, подарка, милой безделушки — кружевного платка, колечка или розы, но у двери стоял тот, кого я меньше всего думала увидеть. Колдун. Вода стекала по его черному плащу. Он откинул капюшон, и темные острые глаза оглядели меня с ног до головы придиричиво, точно вещь.

А потом случилось то, что случилось.

— Мамочка! Папуля!

Я уже обеими ногами стояла в жирной весенней жиже, удерживаясь за перила буквально кончиками пальцев. Из дома выбежали слуги. Они спешили мне на помощь, и я на секунду вздохнула с облегчением, даже посмотрела на сумасшедшего колдуна с толикой жалости. От него сейчас живого места не оставят! Я од-

нажды видела, как Уолтер, наш дворецкий, отколотил тростью бродягу, так тот едва унес ноги!

Следом на крыльцо вышел отец.

— Папуля! — обрадованно крикнула я.

Но папа, странное дело, на меня не посмотрел. Отец выглядел так, словно ему нездоровилось. Я всегда гордилась его выправкой и статью, тем, как открыто он смотрит в глаза собеседнику. Но сейчас папуля будто постарел лет на десять. Его обычно прямая спина согнулась, будто на плечи давил непосильный груз.

Он сделал знак слугам. Я даже сначала не поняла, что это значит. А потом... Это просто не могло быть правдой. И слуги тоже не поверили.

— Генерал Даулет?.. — растерянно переспросил Уолтер.

— Отпустите... его... — с усилием проговорил отец. — Пусть уходят... Вдвоем...

Губы его ходили ходуном. На меня он так ни разу и не посмотрел. Развернулся и ушел в дом. Закрыл за собой дверь.

Слуги переглядывались, не понимая, что происходит. Но приказа хозяина они послушаться не посмели. Может быть, они подумали, что отец таким образом решил наказать меня за какой-то проступок. Не знаю...

— Папа! Папа! — кричала я, совершенно забыв про воспитание и манеры: ужас тисками сжал сердце. — Мамуля! Мама! Верн! Корн! Ада! Ирма!

Я случайно подняла голову и увидела свою семью в окне второго этажа. Мама рыдала, прижав к глазам платочек. Ада и Ирма стояли, вцепившись друг в друга. Они ничего не понимали, переводили испуганные глаза с меня на маму, потом Ирма, которой было всего десять, тоже начала плакать. Я не слышала, что она говорит, но по губам догадалась, что она повторяет мое имя: «Агата, Агата...» Верн был бледен, но, когда Корн

рванул ко мне на помощь, поймал его за воротник и поставил рядом с собой. Я не поняла, что Верн сказал брату, но, кажется, что-то вроде: «Отец не велел...»

Тёрн дернул меня сильнее, и мои пальцы, которыми я из последних сил продолжала держаться за перила дома и за свою прежнюю жизнь, разжались.

— Идем, — сухо произнес он. — Идем, Агата.

Он поволок меня за собой. Меня трясло от пронизывающего ветра, ноги окоченели, руки покрылись мурашками от холода. Я чувствовала себя грязной нищенкой. Да получается... я и была теперь нищенкой. Без дома, без семьи.

За что они так со мной? Почему бросили? Почему отдали этому чудовищу? Еще минуту назад я боролась изо всех сил, но теперь побрела вперед, утопая в черной весенней жиже. Переставляла ноги, точно механическая кукла.

Это неправда. Это не может быть правдой. Это не со мной.

Споткнулась, упала, попыталась подняться и вся перепачкалась. Я знала, что все смотрят на меня. Слуги, родители, братья и сестры. О чем они думают сейчас, глядя, как я стою на коленях в грязи?

Я все-таки сумела встать, но сделала только два или три шага. Сознание помутилось от нереальности и несправедливости происходящего. В глазах потемнело, и я впервые в жизни упала в обморок.

Глава 2

Первые секунды после того как я пришла в себя, я чувствовала огромное облегчение.

«Какой яркий сон, — думала я. — И такой жуткий! Все, больше на ночь пирожных не ем!»

Было так хорошо и легко лежать в полудреме. Но потом я почувствовала, что ступням холодно от того, что я лежу в мокрых чулках, а когда ощупала подушку под головой, то вместо шелковой наволочки обнаружила грубое суконное одеяло, свернутое в несколько раз.

Я боялась открывать глаза, но сколько можно оттягивать момент... Вздохнула поглубже и огляделась.

— Мамочки... Мамочки...

Я снова и снова звала маму, будто стала малышкой. А ведь я старшая в семье и привыкла быть самой взрослой и ответственной. Но сейчас вся моя взрослость слетела с меня, словно шелуха.

Я была совершенно одна в крошечной комнатке, больше напоминающей чулан. На полу вдоль стен расположились сундуки и ящики, на полках стояли банки и ларцы. На узкую лавку, заменившую мне постель, был брошен тонкий тюфяк, слежавшийся от времени. Он был накрыт рогожей, в изголовье лежало грязно-серое одеяло. И непонятно было, то ли оно изначально такого цвета, то ли стало таким с течением времени. На полу валялись комки пыли вперемешку с обрывками бумаги и прочим мусором. На окне вместо занавески висела пожелтевшая тряпица.

— Мамочки...

Я забралась с ногами на лавку, накрыла колени подолом. Еще совсем недавно мое домашнее платье из тонкого батиста было нарядным и славным, теперь же его усыпали пятна засохшей грязи, а еще я порвала его по шву, когда упала.

Мне было очень страшно. Так страшно, что кончики пальцев заледенели. Удивительно, но плакать я не могла. Я вообще редко плачу. Мама всегда говорила, что я должна стать примером для младших сестер, образцом достойного поведения.

«Когда придет время выйти замуж, женихи в первую очередь обратят внимание на добродетельность девушки, ее скромность и умение себя держать. А уже потом на красоту и ум», — так всегда говорила мама, и я верила ей.

Я была хорошей дочерью. Послушной и разумной, никогда не перечила. Почему же я теперь здесь, мамочка?

Говорят, слезы приносят облегчение, но мои глаза оставались сухими. Наверное, у меня шок. Я услышала это слово от лекаря, когда он приходил осмотреть Геллу, нашу служанку. За день до этого у нее на границе Тени погиб муж. Гелла после этого и сама словно превратилась в призрака — не ела, не пила, не разговаривала. И не плакала.

Вот и у меня шок. Только никто не пригласит лекаря, чтобы помочь мне. Никто не придет, кроме...

Я с ужасом посмотрела на закрытую дверь, только в эту секунду до конца осознав, где нахожусь. Нет никаких сомнений, что я в доме колдуна — заперта в одной из комнат.

Этот дом я несколько раз видела издалека. Черный, жуткий, как и сам Тёрн. Он стоял за чертой города, и вела к нему одна-единственная тропинка. Такая узкая, что не подъедешь ни в экипаже, ни на телеге. Приходилось идти пешком. Наверное, именно поэтому добирались до дома колдуна лишь те, у кого действительно в этом была нужда.

— Смотри, Агатка, будешь такой вредной, родители отдадут тебя колдуну! — однажды ляпнул Верн, получив от меня затрещину за очередную дурацкую проделку.

Мы как раз проезжали мимо развилки — широкий рукав вел в город, а заросшая травой дорожка, петляя между чахлах кустиков, устремлялась к двухэтажному деревянному строению, покосившемуся и мрачному.

Дом колдуна скрывался за стволами деревьев небольшого запущенного сада, и мне никогда не удавалось хорошо его разглядеть.

— Заткнись! — рявкнул на Верна отец, хотя на детей он старался не повышать голоса.

Помню, я удивилась вспышке гнева обычно выдержанного отца.

А сейчас мне припомнились и другие странности.

Тёрн иногда появлялся в нашем доме, и никто его не прогонял, наоборот, с почтением провожали в кабинет отца. Не знаю, о чем они беседовали там, но как-то раз я пробегала мимо — мы с сестренками затеяли игру и носились по этажам, словно белки, — и услышала, как отец громко о чем-то просит этого страшного человека:

— Неужели нет никакого способа изменить договор? Я готов заплатить любые деньги! Возьмите дом. Возьмите меня! Оставьте ее нам...

— Нет, — раздался глухой голос. — Нет, это невозможно.

О ком они говорили тогда?

А еще я вспомнила, как меня, тогда пятилетнюю малышку, зачем-то представили колдуну. Я уже легла спать, но няня разбудила меня, заставила одеться, а я капризничала и терла глаза. Она на руках отнесла меня вниз, в гостиную, и передала маме. Мама прижала меня к груди крепко-крепко, точно боялась, что я развеюсь, подобно туману.

— Так вот, значит, какая она... — задумчиво произнес чей-то хриплый, резковатый голос.

В следующую секунду жесткая рука взяла меня за подбородок, заставляя поднять голову от маминого плеча. Я увидела человека, одетого в черное. Своим обликом он напоминал ворона. Черные волосы, черный плащ, длинноватый нос. Темно-карие глаза пристально вглядывались в меня. Я испугалась и разревелась.

— Унесите ее, — дрожащим голосом приказала мама. — Все, вы увидели нашу Агату, господин Тёрн. У нас еще есть время... Не тревожьте ее пока...

— Не господин. Просто Тёрн, — колдун скупом ронял слова, словно каждое стоило по монете. — И помните, вы не должны ей говорить. Никогда. Я скажу сам, когда придет время.

Он развернулся и ушел, а мама все никак не могла со мной расстаться, баюкала и целовала, хотя я была уже совсем сонная и тянула руки к нянечке.

— Ненавижу, — шептала моя добрая, ласковая мама. — Если бы я только знала, что это будет так... Я бы никогда!.. Я бы ни за что... Агата, моя кровиночка!

— Если бы не этот договор, ты была бы уже мертва, — сказал папа.

Почему же я забыла такой важный разговор? Почему он вылетел у меня из головы?

«Время пришло, я забираю тебя», — сказал страшный человек, похожий на ворона, и похитил меня из родного дома, а моя семья просто стояла и смотрела, как меня уводят.

Они знали, что так будет! Они готовились к этому много лет. Мама и папа заранее оплакали меня, попрощались. И хотя им сейчас очень плохо, у них остались Верн, Ада, Корн и Ирма, у них остался дом и вся их прежняя жизнь. А у меня не осталось ничего...

За какие долги вы расплатились мной? Как же так? Ведь я ваша дочь! Я росла в тепле и любви. Я всю жизнь готовилась к роли жены и матери, я умею вышивать, играть на арфе и петь. Я не выживу здесь!

— Мамочка... — прошептала я, но тут другое имя пришло мне на ум, а вместе с ним в сердце всколыхнулась надежда. — Даниель!

Он любит меня! Он спасет меня! Он увезет меня из этого дома, от этого ужасного человека. Мы по-

женемся и будем жить долго и счастливо! Надо только дать ему весточку!

Воодушевленная мыслями о женихе, я немного приободрилась, разгладила платье и села, распрямив спину. Когда колдун явится за мной, я встречу его, глядя прямо в его жгучие черные глаза.

Я и ждала, и страшилась этого момента. Незвестность пугала. Я не представляла, зачем я ему — девочка из благородной семьи. Я не умею ни убираться, ни готовить, ни штопать, ни стирать. Едва ли его заинтересует мое пение или игра на арфе. Так зачем же?..

Я вскрикнула, но тут же, испугавшись, прикрыла рот ладонью. О такой возможности я сразу не подумала, но есть одна вещь, на которую сгодится любая девушка. Неужели это то, о чем я думаю? Нет, не может быть!

Против воли в моем воображении рисовались картины одна другой страшнее. Я представляла, как Тёрн раздевает меня, изучающе разглядывая холодными глазами. Видела, как в ответ на мои мольбы он кривит губы в едкой усмешке. Едва ли он станет что-то объяснять или уговаривать меня. Я его добыча. Я его собственность. Он сделает меня своей наложницей еще прежде, чем солнце уйдет за горизонт.

Глава 3

Напрасно я вскрикнула — колдун услышал меня. В коридоре раздались неторопливые шаги. Так уверенно мог идти только сам хозяин дома. Потом повернулась ручка двери, и вот я, перепуганная, испачканная в грязи, босая и жалкая, предстала перед Тёрном.

Колдун всегда был немногословен, он и сейчас лишь кивнул, оглядев свою пленницу. Он молчал, и я молчала тоже, однако, хоть сердце скакало в груди испуганным

зверьком, решила во что бы то ни стало не отводить взгляд.

Впервые мне предоставилась возможность как следует разглядеть Тёрна. Обычно вид колдуна был мне так неприятен, что я торопилась пройти мимо, опустив голову. Я никогда не задумывалась, сколько лет этому человеку. Почему-то он всегда казался мне жутко старым, изображение дорисовывало морщины, которых на самом деле не было. Удивительно, но колдуну, стоящему сейчас передо мной, едва ли можно было дать больше тридцати лет. Такое ощущение, что с того момента, когда меня, сонную малышку, показали ему в доме моего отца, он не состарился ни на один день. Хотя чего ожидать от колдуна? Ему могло быть сейчас и тридцать, и пятьдесят, и сто пятьдесят лет.

Выглядел Тёрн довольно небрежно. Было очевидно, что он не слишком старается следить за внешностью. Волосы отросли до плеч, на лице двухдневная щетина, плащ помят, на рукаве я заметила наспех сделанную латку. Кто штопает его одежду? Кто готовит еду? Колдун и его дом пользовались такой репутацией, что едва ли нашлось много желающих наняться в служанки.

На груди Тёрна поверх одежды висел медальон на толстой цепи. Синий камень в центре пульсировал, точно сердце. Магическая вещица, сразу ясно. Колдун был бледен и казался страшно усталым, лишь темные глаза на его лице светились умом и силой.

В глаза я посмотрела в последнюю очередь, когда набралась решительности. А Тёрн разглядывал меня с совершенно непроницаемым лицом.

— Я все равно убегу, — прошептала я.

— Нет, — ответил Тёрн. — Не убежишь.

Он вздохнул, как человек, которому предстоит долгое, нудное, но необходимое дело. Видно, таковым он считал разговор со мной. Ему, затворнику, не привык-